

Галина Студеникина

В саду Жар-птица

Лирическая поэзия

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО

РОСТОВ-НА-ДОНУ

2019

ББК - 95(2Рос-Рус)82
С-202

*Автор сердечно благодарит
Правление Союза писателей России
за материальную помощь в издании этой книги*

С-202 **Студеникина Г.В.**
В саду Жар-птиц. Лирическая поэзия. —
Ростов-н/Д; Издательство «Донской писатель»,
2019 г. — 176 с.

Пишу о душе, о том, что её волнует.

В очередной поэтический сборник вошли произведения о
любви и нелюбви, жизни и смерти... о покое и беспокойстве,
радости и грусти... обо всём, что вдохновило душу поэта!

Делюсь этим вдохновением с моим читателем. —

С глубочайшим уважением

Галина Студеникина.

ISBN 978-5-87612-058-8

16+

© Студеникина Г.В., 2019 г.

© ООО «Издательство «Донской писатель», 2019 г.

**В саду жар-птиц любимой зóрницы
под сенью радужных дуг
гуляет небо,
играет солнце –
храня от вьюг и от разлук
мой колокольчиковый круг...**

Галина Студеникина

СЧАСТЛИВОЙ СУДЬБЫ

Стихи новочеркасской поэтессы Галины Валерьевны Студеникиной нельзя спутать со стихами ни какого другого автора. Её стихи — это особый стиль, особый нерв и, конечно, особый смысл, присущий только ей.

Двенадцать лет прошло с того дня, когда она пришла к нам в Ростовское региональное отделение Союза писателей России, и сразу же своим уровнем творчества вошла в ряд лучших донских поэтов. И совсем не случайно коллеги-поэты уже через три года избрали её председателем секции поэзии отделения. За честность в творчестве, за талант, за любовь к поэзии.

Благодаря её усилиям, её требовательности, её понимания процесса творчества вся поэзия, публикуемая в журнале «ДОН_новый», главным редактором которого она является со дня основания издания, стала поэзией высочайшего уровня, и лучшие поэты России стремятся у неё опубликоваться. Это большой труд редактора в процессе создания журнала, хотя на первый взгляд, может быть, и не очень заметный, но приносящий результат — весомый вклад в общую копилку высокой российской поэзии.

Поэтесса представляет читателям свою девятую книгу стихов «В саду Жар-птиц». Хочется пожелать счастливой судьбы её новой книге.

*Алексей Береговой, председатель правления Ростовского
регионального отделения Союза писателей России.*

Целуй меня...

Ты держись!..

За окном, неизвестно откуда,
тайной солнечной чист и лучист,
«прикарнизился» огненный лист –
для меня сотворённое чудо...
парадиз!..
Ты признаньем в любви бесконечной
не с небес ли сошёл на карниз?..
Не сорвись, рассекречено, вниз. –
Дотянись до тебя, мной привеченный,
ты держись!..

То, твоё...

О своей моленной песне
не рассказывай – при мне...
О родных заветных весах
помолчим наедине.
О секрете славных будней,
о привычках бытовых
разговор вести
 не будем –
в день, сердечный для двоих.

В неизбежном отлученье
от просторов, от времён –
наших дней пересеченье
будет чистым от имён.
Ничего не будет значить
то, твоё, в остатке дней.
Не узнаю –
 ...не заплачу
над мелодией твоей...

Целуй женья...

Венок сонетов

Besame, besame miñco...
(Консуэло Веласкес)

О счастье

(Магистрал)

*Целуй меня на счастье, гений мой!
Сладчайше обнимай... но осторожно.
По страстности, цветок измять не сложно:
ты вдохновенен, как никто иной.*

*Не мучай и не мучайся виной:
без меры – «скучно врозь, а вместе тошно»...
Пускай скромна краса, пускай роскошна, –
ей в меру счастье с гением, родной!*

*Нам – только вместе,
муками богов.*

*Пока ты вдохновлять меня готов,
ни «тошнота» не знается, ни «скука»...
Давай не знать, что в мире есть разлука!
Давай не знать
измятости цветов...
Давай не знать, что счастье – это мука.*

1. Век «цветочной полосы»

*Давай не знать, что счастье – это му́ка.
Оно, должно быть, ...звёздная мука́,
что сыплет в душу вышняя рука –
лишь успевай из жизненного круга
«ингредиенты» добавлять,
чтоб вьюга
не разметала счастье, в облака! –
К нему бы мёда, масла, молока:
восторга, нежности, доверья друга...*

*К такому бы изыску да – красы
цветка
в предсмертных капельках росы;
цветка, что жизнью нам устлал альков...*

*Тогда – целуй!.. Но в счастье, до краёв,
сминая век «цветочной полосы» –
давай «не знать» измятости цветов.*

2. Свет был...

«Давай не знать измятости цветов...», –
целуя, ты шепнул – на ушко, тихо...
и бросил в гущу явленного лиха
меня – цветок любви из первых снов.

Свет был, что называется, таков...
Кручусь на кухне – с чаем, «повариха»;
не вытолкнешь в апрель, в неразбериху:
там холод – вдруг,
там дождик – бестолков...

Читали – знаем, что дороги скрыты! –
Не надо ни «дворянства», ни «корыта».

Целована, кручу судьбы излуку:
селёдки достану, хлеба... лука...
Есть что-то в том, что все пути разрыты!
Давай не знать, что в мире есть... разлука.

3. Тайна априори

*Давай не знать, что в мире есть разлука. –
Прижми к себе... в себя – возьми, до боли:
по-майски сладкой, чтоб в неволю – волей
вжилась, твоя надежда и супруга.*

*Флёр поцелуя над медовым лугом,
и вешней доли тайна априори:
мы не себя, – нежизнь перебороли,
когда терпенье возвели друг к другу!*

*В неслюбленности – «скука»... «тошнота»...
сплошь маята,
где и любовь не та:
нет правоты в ней вешнего досуга.*

*Судьба, стрелой из ангельского лука,
слюбила нас, пронзив, и – правота:
ни «тошнота» не знаетса, ни «скука»!..*

4. В твой стих...

Вместе – тошно, а порознь – скучно.
(Народная поговорка)

*Ни «тошнота» не знается, ни «скука»:
свиданье ли, разлука – всё в любви нам!
Зарей июньской сладостно томимым,
легко нам, и светлынь тому порука.*

*И матушка, и милая подруга
в напрасных опасениях повинны:
хоть и хрупка пред солнечной лавиной
ночь звёздноокая,
но, без испуга,
в объятьях света высветлилась тьма,
с гусяром – вдохновенная сама!..*

*За край зари, под росплеск соловьёв –
в твой стих, как в свой,
плыву, мой Светослов...
Вселетний свет не вытемнит зима,
пока ты вдохновлять меня готов.*

5. Под звёздный кров...

*Пока ты вдохновлять меня готов,
июльский зной душе моей не тесен:
течёт-плывёт по запредельным весям
молочный свет, средь звёздных берегов...*

Колечко из пшеничных колосков
сплетаетшь, и – влюблёно куролесим,
и самому июлю интересен
венок мой из небесных васильков!..

За эту сласть:
безгрешность и грехи,
за эту боль:
безмолвье и стихи –
нам только вместе
 ввысь,
 под звёздный кров! –
и блажью, и блаженностью миров...
и праздностью, и праздником стихий...
Нам только – вместе!.. Муками богов.

6. *Счастьеизмещение*

*Нам только вместе – муками богов:
их рвеньем; их тончайшим, тайным, планом.
Любовью избранных
теченьем плавным
несёт средь созревающих даров!*

*Меж чёрных звёзд и тёмных городов
несёт нас, вне сует, не полем бранным, –
любовью – полнокровно, полноправно –
по камням и по камешкам основ...*

*Сверхмерно, говорят, моё везение:
нельзя в любви – до тайны и до гения...
нельзя основы все – душе одной...
Не измерял бы ты,
радетель мой,
души безмерной «счастьеизмещение», –
ей в меру счастье с гением, родной!*

7. Бархатный сезон

*Ей в меру счастье с гением, родной, –
что о душе своей сказать могу,
на бархатно-барханном берегу
окутанная негой золотой?..*

Ты гениален,
друг мой заводной:
умаслил, август, Бабоньку-Ягу! –
На год... на век!.. душой оберегу
заботливо-сезонный выходной.

Целована волною и лучом,
мурлычу – бархатно, как ни о чём...
Метлу отбросив
или сняв кокошник,
Краса – Красой предстанет ненарочной:
в несчастье не заманишь калачом! –
пускай скромна краса, пускай роскошна...

8. Особой мерой

Пускай скромна краса, пускай роскошна, —
дух утомлён бессменной оболочкой...
Бессонницей измятая сорочка
по-летнему тонка и ненадёжна.

Ищу по полкам, холодом обложена...
От летнего билета ни клочочка. —
Сентябрь усердный, с первого листочка,
шлёт приглашенья — должно ли, оплошно:
«Красе —

во всей красе! —

прибыть на бал!..»

За неуместность бала — низший балл!
Но странно:
будто что-то мне задолжено,
особой мерой осень мне предложена,
а летний век — на век! — вдруг в тягость стал:
без меры — «скучно врозь, а вместе... тошно».

9. Винюсь...

Без меры скучно врозь, а вместе – тошно...
Но страсть сердечная – винюсь! – безмерна:
миг без тебя, мой бог – велик прескверно;
с тобою век вселенский – мал безбожно.

Всё, что касается Тебя – обóжено.
Всё, что касается Меня – прицельно:
душа – к тебе! Чтоб в небе акварельном,
по-свадебному дарено и прошено,
в одно сплетались
паутинки наши –
до поцелуя, до судьбы... и дальше...

Октябрь – преддождевой, предснеговой –
окатывает солнечной волной:
«Испей безмерность из любовной чаши! –
не мучай и не мучайся виной...»

10. Как никто иной

Не мучай, и не мучайся виной:
моя счастье – не твоя забота.
Спасёшь, вернёшь
кого-то или что-то,
колдуя уцелевшую струной?

Мой Рыцарь, мой Поэт – ноябрь хмельной,
пусть прошлых грёз истлеет позолота! –
Как несвобода чья-то...
Как свобода...
Чтоб – новым золотиться под луной.

Заботясь, мой мучитель, не забудь:
крылами счастья мне – мой млечный путь...
и новый день!
Земной и неземной
день этот наш – безвинностью воспой.
Поэтом счастья собственного будь, –
ты вдохновенен, как никто иной!..

11. Поверишь ли?..

*Ты вдохновенен, как никто иной –
то ль правдой... то ль неправдой... Убежденьем.
Твоя пристрастность – просто наважденье,
азарт предновогоднею порой.*

*Издержанный осеннею хандрой,
меж правдами сминая огражденья,
меня, цветок – снежинку от рожденья! –
всей пылкостью целуешь озорной!..*

*Охватывая страстную строкой,
внушаешь мне, что счастье – непокой,
покой всё усложняет невозможно...
Но лепестки мои дрожат встревоженно. –
Поверишь ли,
мой правый, мой благой:
по страстности, цветок... измять несложно.*

12. Слезой отложенной

*По страстности, цветок измять не сложно –
опасней ледяная беспристрастность.
Январская галантность... импозантность...
и всё, моя погибель непреложна!*

Прекрасны, снежно-льдовые горошины
стучатся в окна: вот она, опасность!..
Но застревает в горле... несогласность,
согласность – по щеке слезой... отложенной.

Знать не хочу, к чему мне это нужно –
пытать на хрупкость счастье ночью выюжной!
Знать не могу о сласти, в зиму брошенной!
И сердце – расторможено, восторженно:
целуй цветок
своей прекрасной стужей...
сладчайше обнимай, но... осторожно...

13. Самой первой

Сладчайшие обнимай, но осторожно...

Влюблённый – изо всех вселенских сил! –
сам знаешь, в чуткость вкладывая пыл,
как любит гений нежно, неподложно.

Вернувшийся в судьбу, судьбой отторженный,
моим счастливецом – тем, которым слыл –
самой любовью первой златокрыл,
и мне счастье возвратил – как должно!

Как дождь февральский лечит сердца раны
нежданным запахом весны огранной,
так лечит возвращение домой
любовью

самой первой – нулевой!..

Начать отсчёт не поздно и не рано:
целуй меня на счастье, гений мой...

14. Надеждой убаюкан...

Целуй меня на счастье, гений мой.
В укромном нашем
вешнем лукоморье,
единые «и в радости, и в горе»,
легко взыграем солнцем и луной!

Свет возлагая нам на аналой,
подснежник счастья
в март пробьётся вскоре...
Пусть – в муках истина рождается и в споре,
давай не верить правде ледяной!

Распустит семицветик лепестки
и радуга сведёт любви мостки:
мир зацветёт,
надеждой убаюкан...
И внемля счастья гениальным «трюкам» –
за гранью тьмы, и боли, и тоски...
давай не знать, что счастье – это мука!..

О счастье – на счастье

(На память узелок)

*Давай не знать, что счастье – это мука.
Рекой любви, дорогой мотылька
хоть... притворимся, будто жизнь легка!
А счастье – и не тонко, и не хрупко...*

*Оледеняя сердце вьюжной крупкой,
утрата, неминуемо горька,
всё караулит... но – любовь-река
течёт себе!.. по вечности... наукой.*

*И Господом целованный вьюнок
свиваясь в лукоморный мой венок,
вплетает эту вечность в жизнь длинной...
Венок, внахлест концовкою двойной, –
о счастье
мне на память узелок:
целуй меня... на счастье!.. гений мой.*

Жизненное счастье

Небеса обетованные
так близки и так далёки!..
Сердца голос – одинокий –
слаб разлукою незваною.

Знать, смеялось не для радости
сердце, зимним счастьем сыто,
и дождём весенним смыто
уверенье в горней благодати.

Отчего лета заречные
мне горюнь-беду затеяли? –
Нам и радость не затем ли,
чтобы счастье было – вечное...

Не покидай, мой ангел, высь...

На риск, на страх – сквозь облака,
сквозь день, сквозь тень
притихших гор...
Не покачнёт фуникулёр
печаль, как бездна глубока. –
Ты сам в неё не засмотришь,
не заразишь
печалью слёз,
что демон богу не донёс.
Не покидай, мой ангел, высь!
Кипит в ущелье слёз река –
с покон веков,
до дня сего...
Не зная страха своего,
плывём в любовь – сквозь облака.

И утешая, и тревожа

И утешая, и тревожа,
весенний вьётся аромат...
Мы с ним сейчас – одно и то же:
мы так похожи,
так похожи,
кружа у самых райских врат!

Цветущий мир лучится смехом. –
Всё весел май! Лишь мы грустны:
до райских врат взлетев по вехам,
сейчас мы – эхо,
только эхо
поющей цвет и свет весны...

Дождь обманный

Будто смешан с молоком
или с вешней сладкой манной,
дождь невешний,
дождь обманный,
что-то прячет за окном.

Прячет белый влажный дым
что-то важное для взгляда —
что-то, что взаправду надо
днём, обманом налитым!..

Льнёт к стеклу *святая ложь*,
аромат струится сдобный:
от невешнего свободный,
ты сквозь дождь

ко мне

идёшь...

Не в упрёк

На полнеба алый окоём...
Я тоскую, а шаманка осень
тайну хочет выведать у сосен,
всё высматривает, пляшет за окном,
в бубен бьёт
и выюжится огнём.

Значит, скоро в ход пойдут ветра:
замесить и взбить – плотнее, круче –
небеса, золу... листву и тучи...
и остуженные тайной вечера...
и любовь,
опавшую вчера.
А потом – готовый «каравай»,
как плитой, навалится на крышу...
Осень, ты своей тоскою свыше
ни меня, и ни себя, не одурай –
не бубни,
и двери не срывай!

Если чуть заглянешь в мой острог,
если тайной, что храню сторожко,
поделюсь, шаманка, – даже крошкой! –
тут же замертво падёшь на мой порог:
от моей
тоски... что не в упрёк...

Свет готовится к зиме

Кружит ветер булавой,
разгоняя тьму-печаль:
охлаживая сталь,
снег и свет над головой.

Серебрится звёзд поток
вниз, по стали... с плеч, к земле...
Свет готовится к зиме
на безлётный снежный срок.
Не на вечность,
не на век –
на разлучный зимний миг!
Но в унынье ты поник
и любовь мою – отверг.

Снег снегов и вьюга вьюг,
свет – с душой переплетён.
Был бы ты им осенён –
не темнел бы от разлук...

Эта осень

Этой осени нет холодной:
не бывала душа беззвучней –
столько в ней не улыбки твоей,
столько в ней нелюбови зыбучей...
Словно не было
осени лучшей,
словно не было время – родней.

Обвивает и льнёт, будто шаль,
но – до судорог сводит плечи!
Прелым саваном спутана даль –
и любовь, и улыбка, и встреча...
Словно сами
тому не перечим,
словно осени лучшей – не жаль.

Тесно...

Мой вдохновитель, ангел... «муз»,
дивноголосый
златоуст,
поющий таинство тех уз,
что небесами, верно в праздник, скреплены! –
День светлотой и снегом густ,
но без тебя – и груз, и грусть
легчайший этот зимний блюз:
под ним как будто небеса погребены...
Душа в стесненье пелены!

Нет, не того сейчас боюсь –
что не растает
снежный груз,
что не взрастёт жасминный куст...
но укрощения боюсь я – как стены.
Стена – реалии *прокруст*,
и хоть запоем – блюзов мусс,
в душе – костей, не снега, хруст:
так мне не праздничны реалии и сны...
так без тебя страшны – тесны.

Домой приду...

Домой приду, заплачу – разморожено
слезою исходя, как талый снег...

Отпрянет, неуютом растревоженный, –
обидится любимый человек.

Домой приду – завьюжена, запружена –
в ладони тишины паду ничком...

Открестится
любимый, да не суженый, –
оставит предвесенний чуткий дом.

Домой приду – из вьюг и суесловия –
наплачусь до безболья... и усну.

Приснится мне весна у изголовья...

Приснится – что не предал ты весну.

В мою коляду

В зимней власти земной окоём –
новодневный свершён передел.
То ль за ним – радость сердцу, то ль в нём,
но под снегом
и сердце моё:
одуванчик небес – облетел...

Отвести бы от сердца беду,
ледяную отвадить печаль. –
Люди добрые! К вам я иду:
хоть сегодня,
в мою коляду,
дайте *лета* мне – сколько не жаль...

В Палатах Царских

Мне перестало сниться *лето* –
и небо звёздное, и песня...
Болезненно-неинтересно
и свету чуждое, и цвету!
Из чудодейных сновидений
меня, жар-птицу словно, выкрал –
в игре мирской обманом выиграл
то ль демон злой, то ль божий гений.
И я теперь в его объятье –
без летних снов, едва живая –
живу, не зная, чья жена я...
В Палатах Царских ли, в палате, –
тебе чужая.

Бесценное

Мой дом на краю заката,
чуть-чуть, и – дотла догорит...
Прощай, златосердный пиит –
для ночи жалеющий злата,
но ей завещавший – крылато! –
утешной слезы лазурит.

Мой дом на краю печали,
вот-вот, и – затопится тьмой...
Прости взгляд лучисто-прямой,
сорвавшийся в дальние дали –
что крайнюю тьму означали
днём светлым, в луч сердца длиной!..

Мой дом на краю безвестья
закрайний свой благовест ждёт –
так, будто судьбу напролёт
бесценнее не было «бестии»:
закатной
сжигающей
песни,
не принятой утром в расчёт...

Ты уходил...

Ты уходил в долгу – в который раз
себе на память солнце забирая,
как будто в соловьиных кельях рая
ни солнца нет, ни божьих глаз...
Почти – коллапс.

Но знаю, должный, – солнечный клубок
тебе укажет вновь ко мне дорогу.
С бессветием... я свыкнусь, понемногу, –
тебе бы только свет помог...
вернуть мне долг!

По всей вселенной

Цыганка била в бубен,
нагадывала радость:
мол, счастливы мы будем
себе и всем во благодать...

И в счастье веря, были
мы счастливы не ленно,
как будто в бубны били
для нас по всей вселенной! –
Чтоб рушились наветы
пред жизненной софией,
и чтоб снимались вето
на радостность стихии...

Но выдохлась гадалка,
отмудрствовался бубен...
и благодати – как жалко! –
теперь – ни нам, ни людям...

Отстрадаю

Сегодня солнечно в без-праздничной *бастилии* –
почти гармония,
почти идиллия!

Хмельной соловушка, молясь, подсел к решётке:
мне беззаконной – законной хмели плошечка...

В потоках солнечных, сплетясь, увязли трельные,
все отменяя мне
статьи расстрельные:
душа жива! и не пожизненна «бастилия»...
Зря за рекой, за упокой, срывал ты лилии.

Мои ответные – дождутся, пусть соловушка
поёт-звенит луной,
сияет солнышком,
пока любовью, что преступна от бессилия,
не отстрадаю безответность – как «бастилию»...

Не выпросить...

Зорюет мартовская синь
господнею надеждой,
дороги утренняя стынъ
покалывает вежды...

К чему – весенняя слеза?
О чём так ноет сердце?..
В дорогу слово б хоть сказал –
минутку наглядеться
на ту, которую любил,
любви не открывая...
Моей ночной надежды пыл
оплыл свечой, до края.

Оплыл, уплыл через порог,
и с богом – в день, в дорогу!..
Любви, что ты себе сберёг,
не выпросить, *ей-богу*, –
ни мне, ни богу.

Не отменю

Всё стало будто бы другим.
Хотя всё те же – лето, звёзды,
заря... и винограда гроздья...
и дом, и радуга над ним...
Мой бог – стал будто бы другим.

Мой бог вплетает в синеву
туман, костёр и паутинку...
И счастья *эту* половинку
не отменю, не отзову –
не отзывая синеву.

Пой–лети...

Сокровенное молчит,
сокровенное – таится.
Мой серебряный пиит,
пой-лети весенней птицей. –
Майской миррою
неси
неразвенчанное слово!
Вновь синее станет синь
и новее, – что не ново.
И светлее, – что грустнó,
и отрадней, – что уныло...
Пой, лети
из древних снов, –
в «будет» из того, что «было».

Всё — потому

В смятении –
и взглядом, и рукой
тянусь к тебе сквозь время и пространство...
...Будь проклято, души непостоянство!
...Целован будь, сердечный непокой.

В смятении
и я, и целый мир:
всё рушится, и снова создаётся...
...Твоей моя рука опять коснётся!
...Твори любовь космическую, Клир.

В смятении,
но всё ж, мы где-то там –
на кончиках своих горячих пальцев...
...Милуй, судьба, мятущихся страдальцев!
...Злой рок – зря барабанишь в свой там-там.

В смятении
воздастся лишь тому,
что тащит прочь от доброго начала...
...Твоя – рука мне божью означала!
...К тебе и взгляд, и руку вновь тяну. –

И потому любовь жива,
всё – потому.

Агни

По ореховым серёжкам
капли солнца – на ладошки,
и в ладошковом лукошке
капель солнечных по край:
приникай! –
Омываюсь вешней сенью,
бирюзовостью и зеленью,
и в сердечном песнопенье
солнца вечная игра –
майский грай...
Свет шумливый, не иссякни!
Мы во тьме тихи́ и на́ги
были, но
 сегодня –
 агни*
знай в ладошки набирай:
здравствуй, Май!..

* Агни (санскр.) — священный огонь, изгоняющий тьму

Вот в чём штука...

Небо в желчных подтёках
безысходно с утра...
Ты всем сердцем в упрёках: я, мол, слишком добра.

Нужно резче – вот эдак, надо злее – вот так...
Добротой, в меру, редок, – ты бесспорный мастак.
Никуда не годится слово-дело – моё,
и судьбы колесницу оседлало ворьё:
гонит в алчной запарке – бездорожьем, вразнос...
Мне ж, в мирском «зоопарке», –
с колпаком красный нос.

В топком омуте желчи
ты – спасательный круг.
Критикуй, только в плечи дай поплакаться, друг:
я была не чрезмерна, – *недостаточна* в том,
что зовёшь ты, интерно, «бесполезным» добром!..
Разве может быть небо – бесполезно?.. Кричи,
что чудна я, нелепа... о добре – помолчи.

Безысходная мука – от небес до нутра:
не была (вот в чём штука!),
не была я добра...

Обещанье

Солнце залило весь мир!
И отныне столько света
в сладкострунном пенье лир,
словно в мире –

нет навета.

Словно прежней нет беды,
словно сердце славословно,
ты со мной опять на *ты* –
беззасовно,

беззаслонно.

Прочь засов и прочь заслон!
Между нами – ни прощанья:
солнце залило мой сон...

Снова я взята в полон
сладколирным
обещаньем.

Маков цвет

Полыхает маков цвет
в том саду, где маков... нет.
В полный цвет горит заря
(пусть бы – к счастью, пусть не зря!)
Чтобы жалость не вскормить,
маков цвет свиваю в нить –
всё кручу веретено,
как судьбой заведено...
...как собой
обретено.

Алой нитью вейся, мак!
Средь обманных передряг –
и ночей, и холодов...
и оставленных садов...
Веря кáрагус-цветку*,
флаг надежд земных сотку:
пусть победе верит флаг –
как весне весенний мак...
...как судьбе
причудник-маг.

* *Cáragus* (лат.) – чародей, кудесник, маг.

Не подумай...

Мы ещё потанцуем. – Ты слышишь?..
Вновь споёмся, сыграемся, – знай!
Голубками под божьею крышей
наворкуем
пасхальный май:
приютимся на жизненной длани
среди лунных и солнечных благ...
Жизнь и есть исполнение желаний, –
не подумай, что это не так.

Не поверь, что желанья другие
у твоей половинки другой!
Причастимся своей литургией,
что любовной
зовём игрой:
не без тех игровых заклинаний,
не без нас! – окрещается мрак...
Жизнь и есть исполнение желаний,
и не думай, что это не так.

С тем же солнцем

Ты вернулся,
и на место стало небо. –
С тем же солнцем – и улыбкою, и негой...
В той же небыли любовной, в той же были –
что когда-то мы с тобой
в него вживили.
Ты вернулся, и росток воскресный взвился:
распустился вешний цвет – не повинился,
не покаялся в осеннем прегрешенье
не спросить на смерть,
у жизни, разрешенья.

Ты вернулся,
словно не было разлуки.
Словно ветер не хлестал – нежнеют руки,
словно вьюга не мела – милеет сердце...
Ты пришёл согреть меня,
не отогреться.
Ты вернулся, непростенье не взымая!
Без тебя зимой, сама, была – зима я:
не прощая... и не веря возвращенью...
Но вернулся ты. –
Простил мне непростенье.

Капелька расплавленного снега

На ветку с ветки солнцегрудую синицей
слетает капелька расплавленного снега –
быть может, в поисках весеннего ночлега,
а может, ей – уже нельзя остановиться...
Зажмурившись, к тебе
спешу снежницей!

Со дня вчерашнего сорвавшись каплей меткой,
слетаю в новый день так слёзно,
так тревожно –
так, словно, даже и представить невозможно,
что на твою ладонь паду счастливой меткой:
остаться навсегда
в ладони крепкой...

Теплым – тепло

Спешат-кружат снежинками года,
белым-бело слетая на виски...
Снежинки эти сердцу так близки, –
дотронься, и растают холода.

В томлении, сверхновая Звезда,
взрываюсь – от любви ли, от тоски?..
Заносят сердце снежные пески,
чтоб стать самой мне – словно изо льда,
насквозь промёрзнуть... Но,
теплым-тепла,
душа сияет в новозвёздный вечер:
летят снега – тепло лечу навстречу!..

Взметнут салюты празднично крыла,
и я, смеясь, в твои упрячусь плечи. –
Чтоб лишь тебе
душа сиять могла.

Расправа

Мы с тобою – горемыки-попугаи,
разлучённые судьбой и человеком.
Неразлучники от века
и до века,
бережём любовный хор сердечным гаем.

Будоража глухомань, друг друга кличем –
горе мыкая в закаты и в рассветы...
В тёмных джунглях ловим редкие кометы –
как приветы, как приметы вечной притчи
о любви,
о неразлучности,
о Боге –
и шумим сердцами радостно и больно...
Поиграли нами – хватит уж, довольно.
Неразлучникам – быть вместе, бандар-логи!

Но налево бедолажку тащат снова...
и другого, с улюлюканьем, направо. –
То ль забава нелюбимых,
то ль расправа
над любимыми... а значит, и над Словом.

Как будто...

Разбитой лампы денного накала
струился перламутровый аргон –
переливался радугой огонь
из неба
 в сердце,
 тридевятью валом,
из неба в сердце,
что не уставало
просить огня и – умиротворенья:
чтоб умилялась истиной душа...
как будто Ты её и не лишал
ни истины,
 ни дня,
 ни умиленья
(поверю, что в порыве охраненья!)

Дал Бог день...

Это сладкое слово «судьба»! –
не «свобода», как думает кто-то...
До одышки, изжоги, икоты –
судьбоносности сладкой хлеба.
*Дал Бог пищу**,
и хлебушек тот –
всё в руках у тебя... у другого...
Ты разжуй, не глотай бестолково –
до одышек, изжог... и-икот!..
Сладость дня – золотой каравай,
что со вкусом и счастья, и солнца...
Почему же с судьбою – бороться?!
Не она ли – потерянный рай?..

* Дал Бог день — дал Бог пищу (посл.)

Сто лет, и только

В закат – ещё ты был моим.
Пусть отстранённым и холодным,
как стало нам двоим угодно,
но по-столетнему родным.

Был дождь, такой же мне родной...
Солоноватый, тёплый, близкий.
И, дождевой овита низкой,
я занесла его домой,
где клятвам больше не бывать:
закатный дождь срывался с платья,
смывая, словно кровь, заклятье,
что здесь нам вечность вековать.

А ныне – солнце, и листва,
просохнув, падает со стёкол.
Моим ты был сто лет, и только:
как в дождь – заклятые слова...

Будь спокоен

Вновь геройствую, запретно беспокоясь
о погоде... о планете... о тебе.
И на вдохе, и на выдохе – в мольбе,
в беспокойстве,
неуёмном, словно поросль, –
славословлю твой покой... с которым – порознь.

Безответно беспокоюсь (пусть – заметно!)
о земном... о запредельном... о тебе.
Ты единственный покой в моей судьбе:
ты спокоен –
за меня, мой беззаветный, –
негеройски, незаметно, незапретно.

Это сердца человеческого свойство:
о других ли, о себе ли... о тебе
беспокоиться в любовной ворожке...
Если сердце
вновь толкаешь на геройство,
будь спокоен за моё всебеспокойство!

Червонно

Смерть бушует листопадно,
дожде-ветрено, надсадно –
дух светло:
всё пиково, неприглядно...
Но с тобой мне – всё светло:
всё червонно-солнцеладно!..
будто тьме самой – на зло.

Сколько дней любви – из года,
словно карты из колоды,
не тяни –
богу, лету, мне ль угодны, –
только солнечные дни:
все червонно-благородны!..
словно в солнце мы – одни.

Прижиренье

Утро сиротское, вечер ничей,
муторно-мутные краски...
Колкие – как для острастки –
стрелы закатных лучей,
лента от святочной маски
на отстранённом плече...
Минус настроя
и ноль настроенья –
и в нетерпимости, и в нетерпенье.

Утро мимозное, вечер свечей –
праздник и слова, и ласки...
Тайною, не для огласки,
в гае весенних грачей –
до разговенья, до Пасхи –
пиршество дней и ночей.
Боли сгоранье
и счастья горенье –
и в перемирии, и в примиренье!..

Отступит

Дверь в летнюю вечность закрылась. –
В стене ни окна, ни просвета.
Поверишь ли, что окрылилась
любовь, унесённая ветром?..

Узнаешь ли, что – в разлученье:
судьба, вариант, или случай?..
Значением предназначенья
ни вечность, ни сердце не мучай.

Душе непокойно, немолчно:
смириться с потерей не просто –
когда даже вечность непрочна,
когда нет ответа вопросам.

Не бейся в закрытые двери! –
Отступит от сердца измука.
Разлука не значит – потеря,
потеря не значит – разлука.

Последний влюблённый

Принаряженный в золото сад –
может, самый последний влюблённый –
зывает: «Вернитесь, гулёны,
посмотреть
мой роскошный наряд...
Возвращайся и ты, златокрад,
серебром нелюбви обелённый.

Поделюсь драгоценной порой:
каждой в счастье вернувшейся паре
подарюсь!» – И, проверьте, раздарит
всё, что есть!..
Но грустит – сиротой...
и любит сад золотой
малышом, что играет в гербарий...

Summer

Бурундучок

К диете, долгозимней и жестокой,
осенних, верных, чувств коплю жирок.
Дай, господи,
любви набраться впрок! –
Не дай-то, «лапки» сложены без толка:
сладчайшим изо всех медов и паток,
осенним дням попавшись на крючок –
запасливо,
что твой бурундучок,
причмокивая, сплю «без задних лапок»!..

Я вижу небо...

Я вижу небо, в небе – отражение
свечи, что освящает высь дороги
и снега беловьюжное кружение,
и чёрные заснеженные дроги...
Я вижу в небе землю – не постыльно,
ликуя от свечного «аллилуйя»,
как будто подношусь – легко, умильно –
святому божеству для поцелуя.
Я вижу неба дивную двугранность:
престранно
 отпеванье
 пред обедней...
Горит моя свеча, – какая странность!
...Как будто путь последний –
 не последний.

Вречечко

Особенным было время...

А может, лишь я –
особой.

Особенная особа –
одна, но как целое племя:
так много мне было надо
огня, и воды, и неба...
и terra incognita мне бы –
antea*, особенным ладом.

Так много мне надо было
тебя, и любви, и счастья!..
и «личной» любовной власти:
беречь-сберегать всё, что мило.

А милое – бесконечным
особому сердцу мнилось...
А милое, как ни вилося,
закончилось ночью бессвечной:
так много ты, безразлично,
унёс – без любви, без злобы...
Не стало меня –
особой,
и времечко – стало обычным.

* terra incognita, antea (лат) — неизведанная земля, в прежние времена

* * *

«Ляля, я люблю тебя», –
кто-то, не меня любя,
вывел, чудо ворожа,
на металле гаража.
Это чудо, под окном,
сердце высветлило... дом...
жизнь, в которой тьма всего...
и – «поэта» самого,
пусть ему и невдомёк,
что он божье
оберёт
в час, когда мне с крыши – «книжно!» –
вниз надумалось... и ниже.

Слава Богу

Впадаю «в детство» – в истинность открытья,
в лучистость глаз, восторженных и зрячих,
в правдивость сна и в праведность наитья...
С тобой – впадаю в детство, не иначе.
И слава богу. –
Ветер новогодний
нас обвивает светом, снегом, смехом...
приоткрывая замысел господний:
за этим «детством» ты ко мне заехал!..

«Три орешка для Золушки»

Суетня и беготня –
в предвкушенье чуда-дня
«начищаю пёрышки»:
дразнят, глупостью маня,
три орешка – для меня,
где-то, тоже Золушки.

Три дразнилки-маяты
(что на это скажешь Ты?)
ворожат в орешнике,
чтобы, как плоды, мечты
в преступании черты
мы б срывали – грешники.

Мой орешник целых три
(не с Тобою ли пари?..)
«принял к исполнению»!
Душу мутит мне: «Сорви!..» –
оплывающей зари
смутное волнение...

В чудо-день – спешу, лечу
(чур, не в лапы к палачу!..)
Пёрышки расправлены...
Три желанья – по плечу.
Только рвать их... не хочу:
счастьем, ведь, отравлены.

Божьи птахи

Пусть едва, пусть еле-еле,
но на раненых крылах,
в мёртвых путаясь цветах,
мы прорвались –
пролетели.
Пусть весь мир лежал во прахе,
но опутанные тьмой,
над вселенской кутерьмой
пролетели божьи птахи!

Словно вырвались из плена,
из цветочных мёртвых рук,
мы – свободны!.. Муза, друг,
что ж так тихо
во вселенной? –
Словно, только, в ней и были:
мы и дней опавших цвет.
Улетели мы, и нет
во вселенной певчей были...

Растекается сок виноградный...

Ты принёс эту кисть винограда,
что на блюде, как свет, расписном,
ночь любви – непокой и отраду...
день сюрпризов – любви в унисон.
Праздник жизни, всего! и капризом –
нитку ласково-солнечных бус...
Послевкусье любви и сюрпризов –
винограда осеннего вкус.
Бус янтарных и счёт, и награда –
непокойно-отрадным годам:
растекается сок виноградный
и по осени, и по губам...

Тихо, просто

По ступеньке... по шагку... по этажу,
в день по веку проходя,
восхожу.

Тихо, просто – неподвластно «виражу»,
вслед за Словом, тишиной
восхожу.

В неизвестность – и к мечте, и к миражу –
вздых за вздохом, не дыша
восхожу...

Этим счастьем первозданным дорожу:
словно солнце – до тебя! –
восхожу.

Оброк

Любовь никогда не бывает без грусти...
(Е.Долматовский)

Ох, грусть – разлучница с косой!
То ль ревность это, то ли сладость –
ей отсекает от сердца радость,
с утра пораньше день-деньской...
Что за «любовь» досталась мне!? –
Похлеще варварского ига:
мол, в жизни нет прекрасней мига,
чем день с тоской наедине,
чем смерть от грусти –
в каждом дне.

Как огрустить – на радость, впрок:
освободить любовь от грусти,
что скосит вмиг и не отпустит,
пока не выплатишь «оброк»?..
Спрошу у грусти – что твой меч –
чего ей надобно, по сути...
что ей в моей сердечной смуте...
не сердце ль – так, чтоб не сберечь?..
не голова ли –
так, чтоб с плеч?..

«Чёрный» свет

Ныне стал свет белый – чёрным...
Божий – значит, хорошо.
Дождь в канун весны прошёл, –
и весне, и мне просторно.
Влажной, звонкой мостовую
каблучки стучат мои...
Не моли –
нет, не моли
о зиме грустить с тобою!..

Мостовую в снежной грязи,
сонным парком,
хворь-душой –
дождь прошёл, и хорошо:
«чёрный» свет – пречистый праздник.
И отмытой мостовую
каблучки стучат мои...
Не моли,
ну, – не моли
в «белый свет» играть с тобою!..

Финты

Откат, наезд... свиданья «вскользь» –
ледовый «финт»
для интровертов!..
И в каждом финте – лёд ответов:
зима бессмертна, смертно лето –
мы с теплотой как будто врозь.

Сам по себе ты, я – сама:
то «поперёк»,
то «вдоль» друг друга
«финтим» по вымерзшему кругу...
А взять свиданья «на поруку»,
и стала б смертною – зима!

Эпоха пережен

Перезрелые года – запредельные.
И поля, и города – заметеленные...
И моря, и небеса – невенчальные...
И глаза, и голоса
опечаленные.

Время-бремя перемен эпохальное:
древо жизни (в прах и тлен!) поваленное.
Древо знания, одно-одинёшенько,
что на откуп нам дано, –
«прехоро-о-ошенькое»!..

Потоп

В прошлогодье, в давней эре,
в допотопной прежней вере
о любви звенела весть –
та, какой не будет здесь.
Разлучая наши взоры,
по стеклу бегут узоры:
слёз и слов
иссяк поток –
леденеет завиток...
В доме – ты, а я снаружи –
в постпотопной зимней стуже...
Веру прежнюю... впусти!
За потоп... меня прости.
Прости!..

Кукла

...И ещё, и ещё, ещё раз
проверю ль тебя «на вшивость» –
но сложилось, увы, сложилось,
и опять ты солжёшь мне, прищурясь.
На ресницы снег белый ляжет,
но слезою протянется чёрной...
...Не солги! –
Быть в любви, шанс повторный,
Человеку одно лишь укажет:
человечность, – не кукольный «гаджет».

...На щеках снова сажай – пóлосы
так тебе и смешны, и глупы:
как у сломанной старой куклы,
что во весь механический голос
вторит воронам да сорокам –
прислонённая к мусорным бакам...
...«Вшивый» лгун,
крытый глянцевым лаком,
хватит щуриться так чернооко! –
Всё до срока, куклёнок... до срока.

Провожала

До целованных забот
провожала столько лет,
открывала в горний свет
двери: светик мой, вперёд!..
Возвращенья столько раз
манной божьею ждала:
и покой твой,
и дела
берегла от скверных глаз. –
Чтоб не шмыгал в тёмный лаз!..

Отбивался ты от рук,
и от Слова, и от дел, –
я радела твой удел,
чтоб вернуть господний круг.
А сегодня – уж прости! –
дверь закрыла за тобой
поплотнее:
твой разбой
надо в сердце разгрести...
от тебя себя спасти.

В этот зал для конференций!..

1.

Зал для конференций
мал... и неприютен...
Здесь бы вряд ли... Путин
стал стихи читать!
Может, пару лекций –
тем, кто так беспутен,
что, сбежав из буден,
стал стихи... писать.
Но, вне компетенций,
здесь мой сон – «нетруден»:
я – столь неподсуден! –
стал... стихи... листать...
за-сы-пать.

2.

В светлом зале – для конференций –
«гром и молнии» сердцебиенья...
Не весенние ли настроенья
добавляют в кровь «острых специй»?..
И темно мне в зале, и тесно –
давят стены, и воздуха мало:
я записку твою прочитала...
Что – доклад?
Теперь –
мне бы песню!..

Слаще сала

Как цыганка нагадала,
мне одной бумажки – мало.
И, бумажный червь, точу
сто бумаг...
Пора к врачу:
миллион уже хочу,
но – сточилась... нет накала...
А бумажка – слаще сала!
Вот, здоровье подлечу,
за цыганку ту – свечу...
и – к бумагам,
до отвала!..

Не взорвись

Сердце разрывалось от печали...
В радости, сердечко, не взорвись!
К звёздам пусть она взлетает, ввысь, –
к звёздам, что о радости молчали.
Молча
 созерцали –
 наблюдали,
справлюсь я с печалью или нет.
Скряжничали дать простой совет –
как тебя спасти в беззвёздной дали...

На снежную скатёрку...

Столпились планы
у порога,
штурмуют замкнутую дверь...
Угмонитесь, я теперь –
в несостоянии убогом:
душа от вьюжных бед продрогла
и в угол загнана, как зверь.

Принять вас нечем,
дорогуши:
ни вдохновинки за душой...
Но самый что ни есть старшóй,
как житие, взмолился:
– Слушай,
ужель сомнениям досужим
нас бросишь – вместе с мишурой?!..

Нам вдохновенья –
только б корку...
Стряхни декабрь с усталых век,
впусти на праздничный ночлег:
дней туесок, ночей ведёрко –
тебе, на снежную скатёрку,
поставим сами, Человек!

Скроюсь...

Безопасность – это круто...
Там навет, ловушка тут. –
От *иуды* и от *брута*
скроюсь в заводях Бермуд.

Всё упрячу в Треугольник
Временной – и кровь, и кров.
Безопасности невольник –
под защиту бегов!

Но в безвременье, в *бермуды*, –
никудашный я пловец:
мне не подвиг – без *Иуды*,
мне без *Брута* – не венец...

Свет заречный

Вступаем в Лето

предотвечно:

– Здравствуй, *родина!*

Иной, нелетний, край – не годен нам

ни для любви, ни для истомы:

мы здесь родные, здесь мы дома,

где всё до истины –

родименькой! – знакомо.

Вступаем в крайнее –

бескрайнее! – желание,

двоих сроднившее заранее.

Изустной песней, из-сердечной

встречай нас, Лето, свет заречный!..

Врачуй от правды –

от чужбинной, от заплечной.

Нелюбимые

Гнездо – *нелюбимых* не греет.
Молчат нелюбимые души,
пищат от бессилья всё глуше:
замёрзнуть,
уснуть поскорее б...
Забыть о себе нелюбимом!
О холоде-голоде странном...
Где любящий – бог... или мама!?...
Его бы
путями любимыми
вернуть в запустевшее лоно!
Но стынет молитва сыновья,
о край разбиваясь гнездовья,
ссыпаясь
осколками стона...
Сиротская мера – на что она?..

Ну, смотри...

Тать прокрался в стены дома...

...Привыкаешь? –

Ну, смотри,

не пойми и не прости:

не окупится ни стога.

Не окупится ни капли

крови, жизни и судьбы!

Что отхвачено, увы,

не твоё теперь. Не так ли?..

Кровь разводами заката

в бездну лунную,

вовне –

по «отхваченной» стене,

что твоей была когда-то...

Что ж, пропало и – пропало:

можно раз и претерпеть.

Но хрипит в ухмылке смерть:

«Прихватилось... видишь!? – мало...»

Живые

Живу душою обнадёженной! Прости,
без разрешенья твоего не донести
души твоей мне, как своей, до судных глаз,
чтоб Свет – на свет

 благословил

 разладных нас!

Пусть, прикоснувшись к майским душам, видит он:
в них пылом вечности томятся явь и сон
его надежды благодейной, и души. –

Лишь мне, живой,

 мой неживой,

 быть разреши.

Я донесу, я дотянусь, я доползу! –

Узнает Свет в моей слезе твою слезу,

в улыбке глаз моих – улыбку глаз твоих...

Признает: есть

 надежда в нас –

 в двоих, живых.

Охота

Задурachusь – провожусь
ныне... с дураками.
На охоту подряжусь,
цапкими руками
дурачьё переловлю:
сердце вон из тельца!..
Залюблю иль загублю –
уж, кому как верится.
Худо-бедно, детвора, –
ныне быть нам в рейде.
«Нету худа без добра»:
с дурака добрейте!

Различишь умно, малыш,
дурака от яви
с тем, от сказки. Этот – ишь! –
явленно
отъявлен.

Пообъёмистей дурак
нашпигован хамством.
Мелкий пичкан, на дурняк,
при-престольным чванством.
Нам, гурманам, не «отпад»,
но рискнуть – по вкусу.

Так бесстыден каждый гад, –
аж слюна по усу!

Сквернодушные снуют
друг да перед другом:
«Кесарю гип-гип салют!» –
писк на всю округу.

Хаму – и почёт, и власть:
зад целуют, ручки...
Он нахамствуется всласть:
скрючит и «научит».

Под-при-стольная родня
к «школе» – с уваженьем...
Нам мышиная возня –
ловли предвкушенье!
С мелочёвки, поспешав
попрактиковаться,
и начнём... Ну, хороша
крыска – и без маслица!

Верь когтям, глазам, усам:
не с цветком в петлице,
но с кошачьим глазом, – *Сам*
на десерт
сгодится...

Может – сказка, может – быль,
может – побасёнка...
Как осядут ночь да пыль,
гадкая душонка
вон из жизни!.. Жаль, не жаль:
богова охота.
Утром высветлится даль,
ловлей доброхотной
судный день определив
воровскому братству:
сколько ж,
небушка разлив,
можно святотатствовать!?..

О вечной любви

Звёзды сошлись на вече –
вечным излиться на вечер...
Нам бы – сойтись, на славу,
сладкой упиться отравой
сказки о вечной любви!..
Да... но – увы.
*C'est la vie!**

В центре своей вселенной
каждый – и сытый, и ленный...
Хоть и томится каждый,
мучим несказочной жаждой
сказки о вечной любви, –
нет, не зови!
C'est la vie.

Вечности зов – отчаян:
сладостью нас привлекает...
Выманит всё ж – до стога,
до соловьиной истомы
сказки о вечной любви!..
Ах – соловьи!..
C'est la vie...

* *C'est la vie* (фр.) — такова жизнь. Се ля ви.

Сам...

За три копейки тебя продаю. –
Не предаю:
не держу...
отдаю,
словно котёнка, в хорошие руки.
В «нужной» сюжетно избитой разлуке,
в этих – а может, на этих – руках
о трёхкопеечных ври временах –
сам предавай жизнь твою...

«День нездоровья»

Это просто болезнь –
не судьба, не беда.
Просто, сердцу ненастно до боли:
словно хищная плесень,
разрослась лебеда
на забытом тобою приволье.
Заполошная песнь
из дождя, изо льда
разлетелась над жизненным полем...
Прочь, ненастная песня!..
Не судьба, не беда, –
у меня
просто «день нездоровья».

Тихий час

С глаз долой, мнимый мой, –
камень с сердца
долой:
станет сердцу легко,
если ты далеко!
В жизнь свою, из моей,
уползай, чёртвов змей...
свой прихватывай груз –
несердечность...
неплюс...

Не старьё, не новьё –
где-то место
твоё.
Чертовщину, «герой»,
там, попробуй, пристрой!
Мне, в минорной тиши, –
«тихий час» для души.
Груз мой – солнечный блюз:
и сердечность,
и плюс.

Чеширка

Не скупердяйка, не транжирка, –
душа берёт...

душа даёт...

Но не верну, коль проскользнёт
в неё мерячностью – Чеширка,
философ-кот.

... Гуляй улыбкою, сердешный,
в моей душе! –

В моей судьбе,

что словно сшита по тебе:

что так безгрешна... так потешна
в мирской гульбе.

Бьются — зеркала

Скользнула, выбита из рук,
моя зеркальная душа...
На загляденье, хороша
и – вдруг.
И вдруг...
И вдруг – поверить не могу! –
в ней случай выявил порок:
нецелостность... Какой урок...
врагу.
Врагу!
Врагу, что как-никак, но – тать, –
плевок хоть сотни раз примерь,
а всё же – не во что теперь...
плевать.
Плевать!?!..
Плевать, что бьются зеркала! –
Душа хрупка, но – не стекло.
Скользнула... и, врагу назло,
жива – цела!

Я б запомнила...

Звёзды, созревшие за лето,
под ноги сыплются, спелые...
Души – навывлет! – стрелами.
Сердце ж – сомнением занято,
и ни звезды, что ни делаю,
взять не могу,
неумелая.

Маем душа переполнена:
мается, горе-страдалица!
Маленьким сердцем карлицы
лето любви я б запомнила,
чтобы зимой не печалиться –
но ни звезды
не вмещается...

Сегодняшняя

Остановись, мгновенье ...!

(И.В. Гёте)

За ту любовь, которая во мне,
пью не вино сегодня – лучезарность:
о евхаристия, о благодарность! –
не ты ли истина, сокрытая в вине?..
Миг остановлен: солнце и луна
сплелись, как будто пальцами, лучами...
В печали мы друг друга огорчали,
душа сегодняшняя – радости полна.
Настолько,
что не только для себя
полно пьянящей радости, небесной!
Люблю, и крылья, лишь тебе известные,
миг благодарности любви не торопя –
к тебе... несут... меня...

С войны

Я, как солдат, вернувшийся с войны,
играю то в героя, то в изгоя. –
Нет беспокойства в мире, нет покоя...
Нет ни безвинности, как будто, ни вины...
Какою тактикой, стратегией какую
мои желания коварно пленены!?

Как непобеду, прочь судьбу гоню:
в душе *война и мир*, в душе сумятица...
До побеленья сдавливаю пальцы,
в бою привыкшие к оружию и коню.
Что впору ныне:
нападать иль защищаться? –
Поди пойми, какая вера на кону...

Лекарство

В йодистой зелёной коже
мысль полна любви увещаваньем...
Друг, тебе даю я обещанье:
мысль приму лекарством в январе –
с хвойным ароматом, на заре.

Схлынет ночь безудержных гулён,
день приветит мысли полнокровье
и – вкушу лекарства, на здоровье...
Мысль – одна-одной, для всех времён,
но здоровья с нею – «миллион»!

Первого начальственная сень,
вкус ореха в мёде и лимоне –
мысль обволокут, о миллионе...
Снова Дед-Морозовский олень
мне, в любовь длиной, везёт мой день!..

Были звёзды

Сердце просит – лета, бала...
Но они в такой дали,
словно матушки-Земли
притяженье
вдруг ослабло.
Были звёзды «по колено»,
а теперь – и не достать...
Вековая благодать
днём осенним –
тленным-тленна.
Листья прелые, до края,
устилают небосвод.
Тлеет лето, тлеет год...
Тлеет вечность,
догорая.

Очень...

Хоть на условное мгновенье,
но ощутить бы вкус везенья –
во упоенье...
Как просветленье!
Понять бы, как живётся-спится
фортуной избранным любимцам...
Отбросить спицы. –
На колеснице,
в цветах и звёздах – не в лачуге,
от кровопийцы, от пьянчуги,
не плеть кольчуги
душе-пичуге.
Везеньем, в лёгкий узелочек,
плести б сплестать – как между прочим –
любви веночек...
Так сладко!..
Очень...

В полосу

«Ночь наблюдают
в одиночку»...
Тебя – ты знаешь, почему! –
я всё равно искать начну:
на ночь, на день – в цветочек, в точку...
и в тон, и в клетку...
хоть – в полосу:
вновь несвобода, вновь – с тобой!
Пусть Свод Правил, золотой,
внесёт в серебряную сноску:
нам наблюдать
и ночь, и день –
одной судьбой.

Сочиниж

*Если бы Бога не было,
то его следовало бы выдумать.*
(Вольтер)

Не зря поэзия и проза
нам бытием самим даны:
мы умудрились Дед-Мороза
замыслить в будничные дни.

Не бог, наверное, но всё же –
какая радость и азарт!..
Быть Дед-Морозом дело сложное,
но наш герой – такому рад.

И с новизною, и с подарками
Он, хоть и строг, но... очень мил!
С ним – под салютными под арками
год новый
вместе сочиним!..

Засмею, запою...

Обнищанье такое, что жуть:
нищий дух душу тискает мне –
хоть иди да топись в полынье...
но – забудь.

Наслажденья – пустая ладонь
изголяться в объятиях тех!
Слушай, нищий хранитель утех:
и не тронь!..

Хоть пустилась я в путь окружной,
о каникулах летних в тоске, –
это ты на сухом волоске,
нищий мой.
Это ты, распустив пояски,
хочешь выхитрить душу мою.
Я ж тебя – засмею, запою...
от тоски!..

Печаль темна...

Полынь-ветра мосточки неба раскачали,
и я – одна...

Не разорвись, горюнь-сердечко, от печали:
печаль темна.

Луч беспечальный, что не ведает предела,
как жизнь, высок.

Взойду лучом, чтоб сердце солнцем просветлело, –
блажен восток!..

Взойду – не с богом ли?..

не солнцем ли!..

искристо –

всем вопреки

ветрам, столкнувшим небо тёмное и мглистое
на дно реки.

Майские ночи

По воле волн – и запаха, и света –
мой день плывёт, наполнен спелым летом...
Манит мой день
в прекрасные печали,
зовёт к сладостям осенним – не меня ли?..

Мой день-корабль, не мною управляем,
плывёт из мая – или вслед за маем...
А в мае том,
где сердце тьмою сжалось,
корабль свой упустив, душа осталась.

Как ей нагнать корабль, июлем полный? –
Внести меня в мой день вольны ли волны
предлетней тьмы
и майских ароматов –
в которых утонула я когда-то...

Жги!..

Где-то на небе седьмом
август готовит грозу –
как на прощанье слезу
о невозвратно былом...
Что ж ты,
давай, не тяни:
жги, зажигай, громыхай!
взбалтывай свет, колыхай –
смешивай с будущим прошлые дни...

Дорожкой солнечной

К чему молиться о рассвете, о закате? –
И одному наступит время, и другому.
Лучи струятся по озёрной сирой глади
то ль к берегам,
то ль к солнечному дому...

Свой дом оставлю всем ветрам на попеченье:
пусть вместе молятся о вечном, о далёком...
о том, куда меня манят лучи вечерние...
как будто – там
не будет одиноко.

Нельзя

От немудрёной чистоты –
лжеумудрённость прочь:
слезой была отмыта ночь
до дня, до светлоты.
И светел нынешний творец,
и жест его высок,
и мой простреленный висок
покрыл живой венец
той сини, что не измарать,
что – после мёртвых слёз...
И всё ж... Нельзя! –
 вот так всерьёз
ни жить,
ни умирать.

Учусь дышать

Ужé какую жизнь подряд
закат любви перехожу:
ищу рассветную межу,
но всё – закат...
сплошной закат...
Тебя в закате погребя,
восходом я учусь дышать –
как солнце, голову держать:
лучисто быть,
но – без тебя.
Учусь опять играть лучом,
храня, взамен сгоревшей в прах,
зарю на солнечных губах...
закат которой – нипочём.

Оставайся...

В тёмном доме – душа безустанна,
в мёрзлых стенах – мертвы надежды:
здесь и чай самый вкусный – не вкусный,
здесь и хлеб самый свежий – не свежий.

Молкнет *альфа*, глуха *омега*
в доме, полном когда-то бога:
оплетает снобистская нега
всё, что было краснó, – до порога...

Оставайся! – С отвратным чаем,
с прелым хлебом... в бездолье сноба,
в паутине – как будто нечаянной,
но пророческой до озноба.

Извините—простите...

Заизвинялась я вконец:
«Ах извините...»,
«Ах простите...», —
узрев на каждом паразите
пусть мало-мальский, но *венец*. —
Созданье Божье, как-никак!
Дитя Господне, —
извините...
Луч покаяния в зените
и каплет звёздами во мрак.
Тоскливый свет стекает с крыш,
с дождём весёлым
вперемешку;
журчит, мне будто бы в насмешку:
«*Прости и ты меня, Малыш...*»

Бог весть

У зеркала...

Спасибо, друг, за настроенье,
за обольстительную лесть...
Что в ней подыграно – бог весть,
а всё ж душе успокоенье,
что в омут глаз не станешь лезть...
что видишь всё,

лиричностью, –
как есть!

Припорошённую отраду...
Завуалированный свет...
Ты – мой сегодняшний сонет!
Твоей полезности я рада:
ведь в каждой лести свой совет –
почти любви

божественный
завет.

Твою туманную игривость
за отражение почту. –
Ещё разок взгляну... «прочту»
себе сонет, и – прочь учтивость! –
вздыхая, выдохну мечту...

и подведу
фланелькою
черту.

Пойду посмотрю на дождь...

*Блаженны нищие духом,
ибо их есть Царство Небесное.
(евнг.Мф.5.3-12)*

Пойду посмотрю на дождь.
Испью, нелюбви не помня,
любовь с благоденной ладони –
что свету подносишь в поклоне,
что нищему мне подаёшь...
Души унимая дрожь,
поверю
в небесную ложь!

Всем нищенством, что дано,
я буду, душой сгорая,
смотреть – как до тёмного края
свет белый кропишь из грааля...
и верить, – меня заодно.
На дождь посмотрю в окно –
не помня,
как сердцу темно...

Жду...

Что за чудо это ожидание –
дня, любви, бессмертия... Тебя.
День в бессмертье, всё тебя любя, –
да не это ли предел сердечной мании!?
Да не это ли
морока Бытия?..

Бытие как страсть – маниакально,
и живу, радетельный маньяк,
познавая страстно каждый знак
в ожиданье упоительно-витальном...
Знаю, как мне ждать!
Любить – не знаю, как...

Будьте здоровы или **Испытание любовью**

Господь на меня словно ставит силки...
Что ж... Будьте здоровы, мои оселки!
И духом, и телом бывайте здоровы.
Привет оселкам
от священной коровы.
Цедите любовь, что течёт молоком. –
Не просто, я думаю, быть оселком...
Непросто и мне
окормлять «подопечных»:
изранилось вымя в силках бесконечных.
Чуток и – пропала, прокисла любовь. –
Беда на рога утомлённых голов!
И я – сквозь ловушки ловчее... шустрее...
пусть горше в глазах,
и хребет всё острее...
Но чую, силок мне готовится вновь. –
Ах, этот господь!.. Ох, уж эта любовь.
...Ну, здравствуй, Господь.
...Будь здорова, любовь!

Бэсэгч Агар-Умны

Мой свет...

Мой свет Иванов-дураков
своей наивностью – «прелестен»
и хитрецу, любому, лестен –
чин-чинарём, без дураков.
Расположиться каждый рад:
мой горб и близок, и уютен.
Хозяин лишь, как есть, беспутен –
тащу куда-то, не впопад
желаньям «путным»
хитреца!..
Он день сплетает паутиной, –
тащу сквозь ночь тот день рутинный
раздольем сонным чабреца...
Плетёт интригу паучок, –
тот день ромашковой поляной
тащу... не то, чтоб я упрямый,
всё потому, что – дурачок.
Пинает лапкою уют:
«Куда-тебя-несёт-нечистый!..» –
Я сам иду
в рассвет росистый:
туда, где дням дают приют...
где паутины – расплетут.

До неба

Опадает-слетает листва,
от нелетней мертвея печали...
Лист Летучим Голландцем отчалил
к облакам, что легки, как слова, —
невесомых сердец острова.

...Этот остров любви, что добра;
...этот остров — отчаянной веры;
...ну а этот — надежды, не первой,
но последней, что грустью мудра...
и стотысячекратно — права!

Лист врезается в облачный плёс,
вертопляской осенней изорван...
Не корабль он уже — беглый ворон.
Он мудрей и надежды, и слёз:
наше лето — до неба донёс.

Ни до, ни после

Ещё весеннее незнаком,
ты был, мой летний, будто рядом.
То здесь в саду... то за оградой...
то над капелью за окном...
то птицей ты влетал нарядной
в тебя уже влюблённый дом.

Потом – осенний и другой –
ты мне остался летним словно,
и в сад – приветствующий сонно,
и в мой болезненный покой,
и в дом – влюблённый безусловно! –
влетая птицей дорогой...

Как я себе б не солгала, –
осиротила судьбы осень.
Но ты всё той же птицей – возле.
Пусть за тобой и лёд, и мгла,
я без тебя – ни до, ни после, –
мой летний, жить бы не смогла...

Нечего..!

Надломилось деревце –
ветром ли, рукой...
Осень мягко стелется:
душу успокой.
Жёстким звёздным вечером
лёд надлом скуёт:
*ну... нечего, мол, нечего
и плакать! – Заживёт.*

Вновь от корня истого
в мартовской тиши
деревце ветвистое
к солнцу поспешит. –
Новыми ли песнями,
прежним ли «словцом»...
*Коль умерло б – воскресло бы!
Но – живо деревцо.*

Надломилась душенька,
горюшку во сласть...
Вспомни-помни, друженька:
горе – не напасть.
Млею, грею деревце –
боль горит огнём...
*Потопом пусть – метелица,
но выстоим, вдвоём.*

Чёт–нечет

В Саду Любовном – я и ты:
счастливым чёт!
Но нас всё к нечету влечёт...
вкусить сердечной маяты.
Несчастливым ли, за счастье мечь –
запретный плод:
познать как прерванный полёт
добро и зло – какие есть.

Летали, сны переплетя,
в саду садов...
Но из Эдема – в нелюбовь –
уводит нас *любви дитя*.
Влечёт к запретному, где нет
спокойных снов! –
Чтоб в нелюбви познав любовь,
раскрыть нечётного секрет.

В два сердца

В два сердца, как в два усердия,
в четыре руки играя –
из божьего пьём граалья
любовь и само бессмертье.

В два голоса май слагаем,
чтоб свет не вспугнуть – чуть слышно,
и сад расцветает пышно
жасминово-птичьим гаем...

Падёт лепестками вечер
на клавиши, руки, ноты –
не бойся потерь.
Ну, что ты?!
Май – вечен, когда мы вечны...

Миленькая моя

«Миленькая моя»...
Звёзды летели вдаль,
невыплаканно, печаль
от милых уже не тая.
«Миленькая моя», –
этих свирельных
слов
нектар, колдовство и зов
поныне томят соловья...

Душа – ни жива, ни мертва:
томясь, опадает листва,
и влажного дня тишина –
как будто любви лишена! –
пред звёздной слезой оробев,
пред нашей
слезой оробев,
сумрак струит с дерев –
и сумрак струится с дерев...

«Миленькая моя»...
Яблонные уста,
от сладостных дней устав,
оснежелись тайной былья.
«Миленькая моя», –

каплет утешный
снег,
слетая с небесных век,
сокрывших тебя от меня...

Пускай за звездой звезда
стекает с небес навсегда,
пускай в белый прах – синева,
мне эти снега – как слова,
что ночь серебрят по края
и день
серебрят по края:
«Миленькая моя! –
Ах, миленькая ты моя»...

Размыкая...

Всё опять и опять провожаю тебя –
в высь-высокую дня,
в глубь-глубокоюю ночи...
Ночь твоё возвращенье невсерьёз напророчит,
строгий день развенчает ночь, затмившую очи,
и опять – о снегах и потерях твоя,
проводить будет ангел тебя.

Мне б крылами тебя оградить от беды
и, запутав следы,
меж времён затеряться!
Но, крыла размыкая – будто с грустью паяца
(надо мной ли смеяться?..), средь корявых акаций,
что от вечных потерь и от снега седы –
чудолетные ищешь сады...

Цвелось...

Безмятежно цвелось под солнцем,
только небу никак неймётся:
сорвалось вдруг – на ветер, на дождь...
Не понять,
где в нём правда, где ложь...
где мятежность небесной вольницы.

Твой настрой непонятен боле:
вдруг сорвался, свою долей!
А твердил, что эмпатия – стиль
наших чувств...
несовместность – «в утиль»...
Уверял: нас под солнцем – двое.

Всё изменяет высота

Совсем не те – и свет, и звук...
и ветра хмель, и ласка солнца...
Любви пусть будет плотен круг:
моё – с тобой не остаётся.
Над чем хлопочет память, сам
пойми, смакуя сердца тягость...
Мы устремляем к небесам
уже не те любовь и радость.
Всё изменяет высота:
и уходящее, и – память...
Не смеет память
сердце ранить,
ведь и она уже – не та.

В саду Жар-птиц

В саду жар-птиц любимой зóрницы
под сенью радужных дуг
гуляет небо,
играет солнце –
храня от вьюг и от разлук
мой колокольчиковый круг.
Но за звездой правдобрца
ушёл ты, взгляд оставив мне...
Гуляет небо,
играет солнце
в бесценно-праведной весне –
как будто в неправдивом сне.

За этот взгляд я, богомольцем,
прошу тебе разлуки – все!
Гуляет небо,
играет солнце –
в росе рассветной... на лозе...
в неостывающей слезе...
В саду жар-птиц и колокольцев,
что о любви твоей звенят –
гуляет небо,
играет солнце,
пьянит оставленный твой взгляд...
Он не борьбой, – любовью свят!..

Impression

Не разверзлись небеса,
не грянул гром –
сенью наполнились глаза
притихшим днём.
Негой солнечной дыша
в полдневный зной,
чувством наполнилась душа
и тишиной...

Ты набрался б громких слов,
мой друг, поэт! –
Но свободный от оков
свой пиетет
впечатленьем взял на жизнь,
коль осенён:
глубина, и ширь, и высь –
Le Impression.

То ль расплавлен, то ль размыт
июльский день –
каплет солнечный зенит
на цвет... на тень...
Междустрочие, штрихи,
и Хартия:
друг мой, это – не стихи!
Хотя... хотя...

Подхватчу...

Капля дождевая колокольцем
с неба сорвалась и звонко – вниз...
Вестником благим
в оконце бьётся
дождь, похожий летом на каприз.

В звонкий дождь, смеясь, окно раскрою:
вестничай – блажи, мой дорогой!
Сердцем подхватчу,
как и рукою,
пусть каприз, но всё-таки – благой!..

Ключ

В «серых» клеточках – обида,
в кровавых тельцах – слеза:
к счастью ключ господь мне выдал,
в счастье дверь – не указал.
Этажи и коридоры –
тьма дверей и свет «фиест»...
Ни к чему мне с богом споры:
Ключ у сердца – что твой крест.

То налево, то направо
в праздник – словно в свой – ломлюсь...
Мёд кому-то, мне – отрава.
Минус – мне, другому – плюс.
Ключ «к божественному счастью»
всё заточней, всё острее –
колет сердце, рвёт на части:
нет *моей* среди дверей!..

Надоумила усталость,
иль «бездверный» этот вздор:
счастье мне одно осталось –
всеэтажный коридор.
Вниз – до микро, вверх – до макро,
коридор, что стал мне свой,
мне пройти «своею маркой»,
с просветлевшей головой.

В ключ наигрывая песню,
как в орехову дуду –
в неизвестное «известно»
коридорчиком дойду!..
И пускай с дорогой звёздной
истечёт сердечный ключ,
я пойму – ничуть не поздно! –
для чего
был нужен Ключ.

К жарю!..

Завис бессонный интернет... Свет.
И в палисаднике рассвет, свет,
готовит солнечный букет-свет.
В кейс – ноутбук,
на стол – планшет...
Свет.
Скрипит приветливо паркет – свет.
Журчит из ванной твой фальцет... Све-е-ет!..
Сражённным змием свёрнут плед: свет,
постель за мной –
как будто вслед
(свет...)
«Захлопал» дверцами буфет, – свет;
рванулся кот из-под газет: «Свет!?!..»
Твой смех – любимой из примет (свет!),
той, что светлей
на свете нет:
свет.
Шкварчит-пузырится омлет, свет,
В духовке – парочка котлет... м-м-м! – свет!..
Хрустит поджаристо багет – свет,
в медовых капельках шербет-
свет...

Два чемодана, клатч, пакет, свет,
билеты, кейс... в пакет – конфет!.. Свет.
Зашёл за котиком сосед-свет...
Такси клаксонит: всё. – Привет,
свет:
всемерность зим,
 все вечность лет –
 да будет свет!

И сказал Бог...

*Кто в куклы не играет,
тот счастья не знает.
(Народная мудрость)*

Ей-богу, – милые игрушки!
И хоть *полцарства отпиши*,
хоть... *кол на голове теши*,
хоть *расстреляй из пушки* –
а нет важнее для души.

Играю в куклы дни и ночи,
несчастье нищее поправ. –
Всего лишь куклу отобрав,
мне *разрываешь душу в клочья...*
Не отбирай святых забав!

Я за двоих играть готова,
пускай ты вовсе не готов.
Прочь неигрушки со столов
и – ни полвздоха,
ни полслова!.. –
Для счастья хватит Божьих слов.

Беспечность

Копится, копится солнце...
В омут сердечный броситься,
в нежность твою, как в безбрежность,
стало быть, мне – неизбежность:
во всём –
лишь прилежность!

Быть бы прилежной сегодня:
светобезбрежность господня
вне берегов сердечных,
вне высоты надвечной...
Но я –
так беспечна!..

На огонёк

*Умножение страха Божия
есть начало Любви.*
(преп. Иоанн Лествичник)

...Летел на зов кровавых рек и кровных рук:
чужой любви испить и тайну обескровить. –
Взломать
тот непорочно-прочный круг,
что жаждется расстроить!..
Ты верил в то, что нет его – что страха нет.
Ещё ты верил (даже больше!), друг несвятой,
в ту кровь,
что от тебя хранит секрет:
в огонь, тобой распятый.

...«На огонёк» – напрасно ты ко мне забрёл,
неутолённый черноцвет и полуночник:
уже
тебе вонзаю в сердце кол –
по самый позвоночник...
Не брызнет кровь, не схлынет свет из глаз пустых –
сгустилась тьма, метнулась тень в последнем взмахе...
и ты,
коснувшись тайны, вдруг затих...
в «секретном» божьем страхе.

Улыбчив летний мир

Я знаю,
улыбаешься не мне, –
но миру, что вокруг, твоя улыбка:
улитка – по листку... скрипит калитка...
щенок пьёт молочко, и на скамье
мурлычет,
свесив лапки, рыжий кот...
орех шуршит и пахнет морем терпко...
всё движется, на жизни стоя крепко.
Улыбка лишь движению идёт. –
Улыбчив
летний мир, и ты в ответ
радехонек, заигрываясь действием!..
Играй, малыш, движение – это детство,
свершенье – совершенство детских лет.
...Скрипит калитка –
улыбается
мне в след.

Всей добротою

Сживают со свету ветра
листок стихов... и летний лист...
Мой ангел, ты –
уже пора! –
заботлив, ласков и речист.
Меня и словом, и теплом
окутав, прячешь, как в туман. –
Пусть ветры лето над окном
несут во тьму,
за океан...
Всей добротою к сердцу льнёшь –
мне заместить, к исходу лет,
всё то – что в свет мой не вернёшь,
всех тех – кого
на свете нет.

Мели, Емеля...

Мели, Емеля, – твоя неделя...

Полуиссохший и кривой,
склонённый над моей избёнкой,
как будто над больным ребёнком,
орех – ещё
томит листвой.

Шумит о чуде летних дней –
лопочет, плещется в оконце,
к струне моей спеша притронуться
и поделиться чудом с ней
всем обаяньем сладкозвонца!..
...Спешу – притронуться.

Отгулеванил зимний мрак,
и слякоть вешних бездорожий
смирила страсть под взглядом Божьим,
и облетел
дурманнный мак.
Недельной осени – лишь боль,
как постсуётное похмелье.
Мели, ореховый емеля,
прикрывший эту боль собой –
лишь чудо летнее имея!..
...Мели – емеля.

Меж праведных страничек...

Зелёный лист,
всему в контраст,
вознёся и парит над миром
кумиром летним... иль сатиром,
что спорить с истиной горазд –
смешной, возносчивый задира...
Вложу его в экклезиаст!

Шепну, когда
в ладонь падёт:
– Желтей меж праведных страничек...
Каникулярный мой отличник,
судьбы осенний поворот –
коварной самой из привычек! –
и сам ты знаешь наперёд...

Миляга

Лист последний, судьбою осенней
придремав, с мокрой ветки слетел –
годовой оставляя задел
и моей,
и Господней сени
обнадёженности воскресением.

Листья павшие прелью и влагой,
и дремотой – оклеили мысль...
Просыпайся, цепляйся!.. держись,
до снегов,
лоскуточком флага! –
для меня продержись, мой миляга...

Условное

Как-то странно закончилась осень:
то ль отрыв... то ль прорыв... то ль надлом.
Будто некто
взмахнул помелом,
и бессмертье, ударившись оземь,
обратилось в условное «восемь» –
бесконечным добром или злом
то в грядущем кружа, то в былом.

А ведь было простейшим бессмертьем:
где и выбор, казалось бы, – твой;
где, направлен
тугой тетивой,
в испытанье свершающем, третьем,
ты не ржавым садовым отрепьем –
золотой возлетаешь листвою,
доставая небес головой.

Миг и, пущен господней рукою,
ты, казалось, огладишь своей
высь, откуда
слетал соловей!..
свет, в ладони сходявший рекою!..
Но корнями, землёю, корою
вдруг притянутый... лиственный свей,
вьось вокруг безусловных аллей.

До весны

Ни на миг не вернувшись ко мне —
в день, сторевший в осеннем огне...
ни на лист не качнувшись назад...
мой усталый, возлюбленный сад,
приготовься
к желанной
зиме.

День, сожжённый закатом, свершён!
Будет сладок разлучный наш сон —
как до нового дня, до весны,
где мы в списки гостей внесены...
Только каждый —
отдельно
внесён.

Тишь да гладь

Все тревоги – не зря, все дороги – в себя:
то ль в начало апреля,
то ль в разгар сентября...
Не в сентябрь! – так легка... Не в апрель! – так кротка...
Долог день был – как смерть; ночь, как жизнь – коротка.

Но вернулась – к себе, но ушла – от тебя:
от блужданий июня,
от «статей» декабря...
От чего-то ещё, чем была тяжела
и мятежна, когда лишь тобою жила.

Тишь да гладь. Я вернулась, как в утро – заря:
в умиление июля,
в здравый смысл января. –
Тишь, до горней, тиха... гладь, до ближней, гладка...
Долог день мой – как жизнь! Ночь, как смерть – коротка.

Забудь, душа!..

Забывая и тьму,
и свет,
не в закат день тяну –
в рассвет.
Но напомнит мне в снах
вещун:
звёзды – в мёртвых глазах ищу...
Это я умерла,
не ты:
без господня тепла – в цветы...
Позабыта (забудь, душа!) –
до *эдема* чуть-чуть
не дошла.

Забывая меня,
забудь.
Звёзды, жизнью пьяня,
зовут –
без господня тепла
сберечь
сад любви и моленных свеч...
Это ты не попад,
не я, –
стерегущая клад змея,
охраняешь *эдемов* быт...
позабыв, что и он
позабыт.

Тяну–потяну...

(содово-огородный блокбастер)

Тяну-потяну, да не вытяну
ту репку свою благоденную,
что насмерть вросла во вселенную:
не рвите меня, мол, – не рвите, ну!
Да – мною ведь было посажено!..
Оставить надеждой омытое
негоже... Да как же?..
Не быть тому. –
В плечах не косые ли сажени!?..

Тяну-потяну – трёпом-лепетом,
солёной мольбой обнадёженно...
Да небо молчит... как положено
высокому – дальше и некуда.
Но кто же наврал мне, с три короба,
и в сердце попал, как в копеечку,
что проще и пареной
репochку
из небушка выдернуть гордого!

Тяну, чертыхаясь и мучаясь...
Не внучкам да жучкам ли ранее
отписаны плод и старание, –
неужто намеренье лучше есть?!..

Хоть пой, хоть не пой небу здравицу,
всё – глухо ко мне, недотыкомке...
И вдруг – поцелуем
на «тыковке»:
без внучек да жучек... не справиться.

Все – тянем-потянем, да вытянем!..
Семьёй – и вселенское сладится.

Главное

Бог умер.
(Ф.Ницше)

Мне не к кому взывать, в пустые звёзды:
Бог умер – мне сказали по секрету.
Дней сорок уж с конца любви и лету,
и счастье помянуть как раз не поздно, –

*листва с пылавших крон
не избрана в закон.*

Уставшим от пристрастия драконом
у ног – листва сгоревшая свернулась.
«Бог умер», – осень криво улыбнулась,
поправив потускневшую корону,

*и с каждого листа –
звезда скользит, пуста...*

Дождя настой по рюмкам разливаю,
выкладываю звёзды на тарелку...
Помянем, часовую двинем стрелку –
назад, вперёд ли... главное, чтоб – к маю,

*где каждую звездой
мой бог, мой свет – живой.*

Переливом и снежинок, и снегов...

Сад жасминный был в любви подарен мне,
о любви в нём благовествует жасмин!
С ним я цветом волхвовала по весне,
и к зиме своей готовлюсь – тоже с ним...
Солнцем катится по устланной тропе
певчий мой, любветочивый хоровод:
о любви жасминной лето он пропел,
без меня о ней зимою пропоёт. –
Переливом и снежинок, и снегов...
Перезвоном льдинок, неба и синиц!..
Сад любви твоей
быть любящим готов
даже вслед мне – без времён и без границ.

До свидания

Не прощаешься... ну, до свидания.

Осиянный, в метель уходи:

до скончания мироздания,
жизнь иль смерть впереди,
вдруг сойдутся

снова

пути!

Вдруг найдётся зиме оправдание,

и не будем сто вёсен подряд

до скончания мироздания,

под вселенский набат –

я виновна,

ты

виноват...

Окаянной зимы осияние:

уходить без надежды... и ждать

до скончания мироздания –

чтоб с тобою опять

этот мир

сначала

начать.

Тайной полнятся глаза...

В храме сердца двое нас,
я и смерть...
Почернел иконостас
в снеговерьт.
Лихо-ветер, ярь-мороз –
вьюжный миг:
ангел страсти весть принёс...
и поник.
Тайной полнятся глаза...
Нет, не плачь, –
просветлеют образа!
Юн, горяч –
не жалей (чего ж летел?! –
жги, глаголь.
Тёмен огненный предел,
если – боль.
Если – свет, то *даль светла*.
... Не томя,
чёрные сжигай крыла –
у меня.

В послечасие

Кровь – с молочных щёк,
пыл – из жарких глаз,
звёзды – и с ладоней, и с волос...
Жизнь сошла, как снег, что кружил лишь час –
балом,
в любветворный час желёз,
но как будто насмерть в душу врос.

Свыше сыпал снег,
счастьем опылял –
чтоб единым следом шла любовь;
чтоб душа сама, словно снежный вал,
после,
в послечасие балов,
счастьем опылила вышний кров...

В полголосочка

Ещё – зима: и небо спит
в доме из облаковых плит...
И холод жжёт среди ветвей,
и тянет сети снеговей,
и на коленях снежных фей
всё спит пиит.

Водю мёртвой опоён,
живой воды дожётся ль он?..
Ему – подснежнику, апрель
готовит Лелеву свирель,
в полголосочка сквозь метель
свой сыплет звон.

И сладко, как в апрельский день, –
в саду отважной птицы звень!
И запах тающих снегов,
и треск спадающих оков,
и ветер с пенных берегов...
и божья сень.

Не поминай лихом

Мой чудный друг, белынь-тоска,
луч салютующего солнца,
мир золотя,
на цвет мой льётся –
а ты ушла. – Смирна? Дерзка?..
Мой зимний друг, метель-тоска,
как неродная – по-английски! –
ушла под солнечные брызги,
что стали новью для ростка.
Ушла и... лихом как не мысли, –
меня
не поминай, тоска.

Мой строгий друг, свирель-тоска,
вела (я знаю!), призывая,
меня сквозь лёд
не доля злая –
звень ангельского голоса.
Салют весны – тебе, тоска,
что в новый день звала, в прекрасный!
Теперь ты сделалась напрасной,
теперь ты – «дуло у виска»...
Ушла и... как ты не потрясна, –
никак
не поминай, тоска!

Клятвы

Что так долго в меня ты влюблялся,
что так поздно весну возлеял!? –
Думал, хватит мне песен *Леля*,
и весной –
зимней стужей клялся,
слёзно ставя на росписи кляксы...

Пухом застит и небо, и землю:
улетает весеннее с маем...
Нерасцветший венок снимая –
ни весне,
ни зиме не внемлю...
ни тебе... ни вскружителю *Лелю*.

В кои ночи...

Сад в томленье новых грёз
колыбельку чуть качнёт...
колыбельную начнёт
шелестеть –
целуя нежно
и поникшие надежды,
и слезу, и стынь волос...
Оцелует и, как прежде,
зная сны наперечёт,
в новый сон качнёт
отсчёт –
от бессонных гроз.

И божественный елей,
летний сон поторопя –
так милоя, так любя! –
склеит все
разломы... веки...
Человека в человеке...
словно вишенников клей.
В кои ночи, в кои веки
склеит сердце – для тебя.
Не разбей опять!..
Дитя,
не любить – не смей.

Поделом

Продираюсь медведем сквозь иглы,
лапы хвойные бьют по губам:
«Аз воздам! Поделом, Аз воздам –
за медовье, за пляски, за игры».

Горечь хвои... и горечь молчанья...
Я молчу.
Говорю же: молчу! –
Воздаянием сердце лечу...
только в сердце не радость – отчаянье.

И ломлюсь – к рабским кушам, к берлоге,
к припасённым словам и делам:
«воздаяние» – беглым рабам,
«Аз воздам» – не на божьем пороге!..

Подвох

Весенний день совсем не плох, –
прощай, покой!
Хотя, здесь должен быть подвох...
Но – где, какой?..

Вовсю – любовь, вовсю – капель,
вовсю – лучи...
Ничто подснежную пастель
не омрачит.

И родниковых лепестков
струится свет...
Конечно! – Ну?.. Подвох таков:
подвоха – нет.

Только здесь

Легкомысленный мой муз,
из моих шелковых уз
ты рванул... и что ты, где ты?..
На краю какой планеты
о моей поёшь Звезде?..
Я не бог, я – не везде:
только здесь я,
карапуз! –
Возвращайся, беглый муз.

Легковерный херувим,
ты в чужой поверил мир...
Сам господь мне не подмога –
быть, где ты один, убого,
умещаешься едва.
Места только здесь нам – два!
Так споём здесь,
воспарим...
Без шелков, мой херувим!..

Ужолчу...

Словно – жизнь,
не прошлый год,
грустен был и недоволен
сад, оставленный невольно –
сад отставленных забот.

Оплетался сор-травой,
зачумлялся пыльной тишью...
Исхлестали грозы вишню,
обрывая цвет сырой.
Изломали ветры куст
нераспеты розы, гордой, –
не лились живые воды
из её пунцовых уст.

Не кружился аромат
базилика и душицы...
Даст господь
всему кружиться, –
был бы сад мне снова рад!

В прах развеются слова,
что срывались ненароком
в след мне сиростью, упрёком –
словно прошлая листва...

Солнце вытеплит лучом
обездоленные души,
и жар-птица пустит с груши
хвост свой песенный – ручьём...

Пусть осядет грусти взвесь,
Умолчу я – где носило...
боль каких дорог месила...
Важно, что
я снова здесь.

По тёмным лужам...

*Ливень лист упавший кружит
И швыряет ей к ногам.
А она скользит по лужам,
Как богиня по волнам!*

(В.Калмацуй)

Твоим твореньем,
среди лучших – лучшим
друзья ли, недруги твои меня назвали.
Но и тогда – они едва ли знали,
что за богиня, высветляющая дали,
скользит лучом
твоих стихов
по тёмным лужам –
в дожде заблудшим...

Кого спасаю,
по волнам бегущей:
твои ль стихи, стихию ль огненного сердца?..
Жизнь коротка, как дождевое скерцо, –
успеть самой бы в этом ливне оглядеться!
Но всё лучусь
твоим Стихом,
как Словом сущим –
из лучших лучшим...

Помурлычет

Белый голубь у прогретого окна,
по-домашнему воркуя ли, мурлыча,
счастье, где-то зимовавшее, всё кличет...
счастье то, что нам давалось, только нам, —
по надеждам... по погодам...
по долгам.
В дом оттаявший вернётся ли оно? —
Перелётное, тоскует ли по саду?..
Рядом с голубем голубкою присяду,
распахнув объятьем сердце, и окно:
помурлычем... о домашнем...
о родном.

Призванная

На пепелище, словно на зимовье,
мы приживались долго – стынь и я,
и в чужестранной доле жития
душа крепилась –
пеплом, как любовью.

Но вновь из пепла, вновь из обнуленья
взметнулись крылья, жизнь взвивая ввысь,
и перелётной стаей понеслись
к весне и к дому
новые томленья...

Мне нетомленье – смерть, покой – бездарность.
Сгорю, весною призванная вновь! –
Вдыхая снова только лишь любовь,
и выдыхая
только благодарность.

Смотри, любижый!..

На веточке ореховой синица
протренькала, – мол, счастье – вот, лови:
смотри, дружок сонный, се ля ви! –
пора душе апрелем окрылиться.
Проснись,
и быть по-твоему вели.

Вскружил апрельский день мою планету:
пусть – осень это где-то, всё равно!
Пророчество синицы мне дано
моею «се-ля-вишною» приметой –
во снах,
в снегах, утерянных давно.

Ни я – ему, ни мне апрель не снится,
давно... но в те забытые края
взлечу – не укоряясь, не коря...
протренькаю ореховой синицей:
«Апрель,
смотри, любимый, – вот и я!..»

На круги своя...

Плачь, сиротливое дитя! –
Взамен меня, за кроху хлеба.
Когда уйду в иную небыль...
Когда уйду в иную небыль
из этого небытия,
плачь, сиротливое дитя.

Свет обрастает темнотой
унынья, грязи и бездушья...
Отмолим свет слезой послушной,
отмолим свет слезой послушной!..
Постой, ты слушаешь?.. Постой:
свет – обрастает темнотой.

Поплачешь, мой дружочек-друг,
на свет молясь, как на икону?
Вне светословья, вне закона –
вне светословья!.. вне закона!..
замкнулся мир в драконов круг...
Поплачешь, мой дружочек-друг.

Чтоб мир вернулся *на круги*,
светло поплачем о свободе!..
Да ты, дитя, смеёшься, вроде?..
Да ты, дитя, смеёшься, вроде!..
Ну, что ж...
беги, смеясь... беги,
чтоб мир – вернулся *на круги*.

Содержание

Целуй меня...

Ты держись!.....	6
То, твоё.....	7
Целуй меня.....	8
Зимнее счастье.....	24
Не покидай, мой ангел, высь.....	25
И утешая, и тревожа.....	26
Дождь обманный.....	27
Не в упрёк.....	28
Свет готовится к зиме.....	29
Эта осень.....	30
Тесно.....	31
Домой приду.....	32
В мою коляду.....	33
В Палатах Царских.....	34
Бесценное.....	35
Ты уходил.....	36
По всей вселенной.....	37
Отстрадаю.....	38
Не выпросить.....	39
Не отменю.....	40
Пой-лети.....	41
Всё – потому.....	42
Агни.....	43
Вот в чём штука.....	44
Обещанье.....	45
Маков цвет.....	46

Не подумай.....	47
С тем же солнцем.....	48
Капелька расплавленного снега.....	49
Теплым-тепло.....	50
Расправа.....	51
Как будто.....	52
Дал Бог день.....	53
Уговорю.....	54
Сто лет, и только.....	55
Будь спокоен.....	56
Червенно.....	57
Примиренье.....	58
Отступит.....	59
Последний влюблённый.....	60

Финты

Бурундучок.....	62
Я вижу небо.....	63
Времечко.....	64
«Ляля, я люблю тебя...».....	65
Слава Богу.....	66
«Три орешка для Золушки».....	67
Божьи птицы.....	68
Растекается сок виноградный.....	69
Тихо, просто.....	70
Оброк.....	71
«Чёрный» свет.....	72
Финты.....	73
Эпоха перемен.....	74
Потоп.....	75

Кукла.....	76
Провожала.....	77
О этот зал для конференций!.....	78
Слаще сала.....	79
Не взорвись.....	80
На снежную скатёрку... ..	81
Скроюсь... ..	82
Свет заречный.....	83
Нелюбимые.....	84
Ну, смотри... ..	85
Живые.....	86
Охота.....	87
О вечной любви.....	90
Сам... ..	91
«День нездоровья».....	92
Тихий час.....	93
Чеширка.....	94
Бьются – зеркала.....	95
Я б запомнила... ..	96
Сегодняшняя.....	97
С войны.....	98
Лекарство.....	99
Были звёзды.....	100
Очень... ..	101
В полоску.....	102
Сочиним.....	103
Засмею, запою... ..	104
Печаль темна... ..	105
Майские ночи.....	106
Жги!.....	107

Дорожкой солнечной.....	108
Нельзя.....	109
Учусь дышать.....	110
Оставайся.....	111
Извините-простите.....	112
Бог весть.....	113
Пойду посмотрю на дождь.....	114
Жду.....	115
Будьте здоровы или Испытание любовью.....	116

В саду Жар-Птиц

Мой свет.....	118
До неба.....	119
Ни до, ни после.....	120
Нечего..!	121
Чёт-нечет.....	122
В два сердца.....	123
Миленькая моя.....	124
Размыкая.....	126
Цвелось.....	127
Всё изменяет высота.....	128
В саду Жар-птиц.....	129
Impression.....	130
Подхвачу.....	131
Ключ.....	132
К морю!.....	134
И сказал Бог.....	136
Беспечность.....	137
На огонёк.....	138
Улыбчив летний мир.....	139
Всей добротой.....	140

Мели, Емеля.....	141
Меж праведных страничек...	142
Миляга.....	143
Условное.....	144
До весны.....	145
Тишь да гладь.....	146
Забудь, душа!.....	147
Тяну-потяну.....	148
Главное.....	150
Переливом и снежинок, и снегов.....	151
До свидания.....	152
Тайной полнятся глаза.....	153
В послечасие.....	154
Томление.....	155
В полголосочка.....	156
Не поминай лихом.....	157
Клятвы.....	158
В кои ночи.....	159
Поделом.....	160
Подвох.....	161
Взбалмошность.....	162
Только здесь.....	163
Умолчу.....	164
По тёмным лужам.....	166
Помурлычем.....	167
Призванная.....	168
Смотри, любимый!.....	169
На круги своя.....	170

Студеникина Галина Валерьевна

В саду Жар-птицы

Лирическая поэзия

Иллюстрации: из открытых интернетисточников

Редактура и корректура — *Г. Студеникина*

Вёрстка — *В. Анисратова*

Директор издательства — *А. Береговой*

Издательство Литературного фонда России «Донской писатель»

При участии ХМТП «Орфей»

344000, Ростов-на-Дону, ул. Шолохова 1

т.т. 8-918-599-67-51; 8-904-344-05-05

donpisatel@yandex.ru

Подписано в печать 07.03.2019 г.

Объем 11 у.п.л. 176 стр. Бумага офсетная.

Переплёт твёрдый, обложка бумвинил с тиснением под золото

Тираж 300 экз. Гарнитура Times New Roman